

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
БЛОКОВСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

Из истории
символистской
журналистики
—
«Весы»

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
ИЗ2

Ответственные редакторы:

кандидат филологических наук *Д.А. Завельская*,
доктор филологических наук *И.С. Приходько*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Л.А. Колобаева*,
кандидат филологических наук *В.В. Полонский*

Из истории символистской журналистики : “Весь” / [отв. ред. Д.А. Завельская, И.С. Приходько] ; Науч. совет РАН “История мировой культуры” ; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М. : Наука, 2007. – 208 с. – ISBN 978-5-02-034396-2 (в пер.).

Сборник научных статей подготовлен по материалам конференции (21 дек. 2004 г., ИМЛИ), посвященной 100-летию выхода в свет одного из самых влиятельных и популярных журналов русского символизма. Возглавляемый В.Ю. Брюсовым журнал стал эстетической и творческой платформой, на которой выступили “младшие” символисты, и прежде всего Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый. Изучение журналистики начала века – актуальная проблема современной литературоведческой науки, позволяющая восстановить подлинную картину культурной и художественной жизни этого периода.

Для филологов, культурологов.

Темплан 2006-II-255

ISBN 978-5-02-034396-2

- © Научный совет РАН “История мировой культуры”; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2007
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2007

Е.В. Глухова

Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе “Две стихии в современном символизме”*

В 1908 г. между Вячеславом Ивановым и Андреем Белым на страницах журнала “Весы” развернулась полемика о сущности символического творчества¹. Собственно говоря, поводом для спора послужила прочитанная Вячеславом Ивановым публичная лекция “Две стихии в современном символизме”², которая сначала была представлена публике в Петербурге³, а затем последовали две лекции в Москве⁴. В дневниках Александра Блока от 8 марта 1908 г. сохранилась запись о докладе: «Лекция Вяч. Иванова в Петербургском литературном обществе.

Миф – объективная правда о сущем.

Очень тонкое замечание Аничкова – о том, что реалисты теоретически гораздо дальше от понятия “искусство для жизни”

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Подготовка текста и комментария VI тома Полного Академического собрания сочинений А.А. Блока. Драматические произведения 1906–1921 гг.”. Проект № 06-04-00468а.

¹ *Белый А. Realiora // Весы. – 1908. – № 5; Иванов Вяч. Б.Н. Бугаев и Realiora // Весы. – 1908. – № 7; продолжение полемики последовало в статьях: Белый А. Символизм и русское искусство // Весы. – 1908. – № 10 (по материалам доклада Белого 15 октября 1908 г. в московском Обществе свободной эстетики); ответ Вяч. Иванова: Эстетика и исповедание // Весы. – 1908. – № 11.*

² Доклад был опубликован: *Золотое Руно. – 1908. – № 3–4, 5. В несколько переработанном виде вошел в книгу: Иванов Вяч. По звездам. – СПб., 1909. – С. 247–290. В книжном варианте включал ответ Андрею Белому “Эстетика и исповедание” (см. сноску 1).*

³ Символистская практика чтения лекций в Москве и в Петербурге поддерживалась вплоть до конца 1910-х годов.

⁴ По сообщению Н.А. Богомолова, свидетельство об этих лекциях сохранилось в хронике газеты “Русские ведомости” за 25 и 30 марта (*Богомолов Н.А. Из предыстории “Лиры Новалиса” Вяч. Иванова // Он же. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. – М., 1999. – С. 203).*

ни”, а “символисты” – дальше от их понятия «искусство для искусства»»⁵.

О том же докладе писал в своем дневнике и Михаил Кузмин: “Вечером была лекция Вяч(еслава) Ив(анова), много знакомых; дамы, не понимая, смеялись”⁶. Кузмин действительно адекватно воспроизводил реакцию на выступление Иванова публики, чуждой модернистских кругов; рецензия, появившаяся в газете “Свободные мысли”, была более чем иронична: “В субботу Вяч. Иванов прочитал в Литературном обществе лекцию о символизме на четырех языках сразу. Из всех оппонентов только у одного Е. Аничкова хватило смелости заявить, что он понял лекцию Вячеслава Иванова”⁷.

Затем лекция была повторно прочитана Ивановым в Москве 25 марта в Московском Литературно-художественном кружке, причем реакция слушателей была похожей. Валерий Брюсов в письме к Нине Петровской от 26 марта писал: “Вчера скучал томительно на реферате Вяч. Иванова”⁸. Корреспондент газеты “Русское слово” сообщал читателям: «Нам не стыдно признаться в том, что от всей лекции г. Иванова в нашей памяти сохранилось только одно заглавие “Две стихии в современном символизме”. (...) Тоскливо себя чувствовала и публика на лекции. (...) Вячеслав Иванов – не лектор. (...) Он не может сказать, что читал для избранных, т. к. читал на очередном кружковском собеседовании, которое обычно посещает разнообразная публика. Тезисы его лекции хотя и содержали непонятные термины, но не исключали возможности произнесения понятной для всех лекции. (...)»

Вся лекция была испещрена иностранными словами. Простые русские выражения были заменены выкрутасами (...) В тезисах есть выражение: “предерящая дифференциация”. Здесь, должно быть, ошибка наборщика, но она очень характерна для всей “предерящей” лекции Г. Иванова. Прочитанная слабым, вялым языком, с глотаньем слов, наполненная французскими и немецкими цитатами, часто остававшимися без перевода (...)»⁹.

⁵ Блок А.А. Записные книжки: 1901–1920 // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. – М., 1965. – С. 104.

⁶ Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. – СПб., 2005. – С. 25.

⁷ Свободные мысли. – 1908. – № 44. – 10 марта. Цит. по: Кузмин М. Дневник 1908–1915... – С. 588.

⁸ Валерий Брюсов – Нина Петровская. Переписка: 1904–1913 / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова, А.В. Лаврова. – М., 2004. – С. 293.

⁹ А. П(анкратов). Лекция Вячеслава Иванова // Русское слово. – 1908. – 27 марта / 9 апреля. – С. 5.

Приведенный отчет в газете подтверждают отчасти слова В.К. Шварсалон в письме к М.М. Замятиной от 29 марта 1908 г.: “Хотя был безобразный шум в соседней зале от времени до времени, и барышни, говорят, хихикали сзади, а в газетах писали, что редко кто понял что бы то ни было, но все-таки многие говорят, что никогда Вячеслав не читал или не писал так ясно и понятно, хотя и трудно, и что интерес все время подерживался (...)”¹⁰.

Иванов провел в Москве около недели, и 30 марта на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества им была прочитана лекция “Символизм и религиозное творчество”¹¹.

Доклад Иванова вызвал самый живой интерес у Андрея Белого, что также было отмечено Шварсалон: “Читал В(ячеслав) часа 2 – потом стал говорить Белый (??? – философия, Rückert, норма и т. д.), даже В(ячеслав) признался и сказал, что он не понял и что В(ячеслав) совсем не желает сводить разговор на философские распри идеализма и реализма – У них вышел маленький, короткий, оживленный диалог, во время которого то один, то другой быстро вставали за пюпитр”¹². Непосредственными впечатлениями о докладе Белый делился в своем письме к Блоку от 6 апреля 1908 г.: «Ты спрашивал меня о Вяч. Иванове¹³. Да, он был; два раза читал свой доклад: в “кружке” и в “Рел(игиозно)-филос(офском) обществе”. 1) Доклад неумный. 2) Коварный и двусмысленный. В первый раз, когда услышал его в Кружке, он прозвучал как что-то нехорошее против Москвы (и при этом это “косоглазие” на Москву тайное, не открытое). Я нарочно возражал ему сухо и официально, так сказать, поднимая брошенную перчатку. Он ответил, что плоскость его реферата (об идеализме и реализме в символизме) вне плоскости обычного смысла, установлененного за идеализмом и реализмом. Тогда в философском

¹⁰ Цит. по.: Богомолов Н.А. Из предыстории “Лиры Новалиса” Вяч. Иванова... – С. 496.

¹¹ Как указывает А.В. Лавров, на основе этих двух докладов Вяч. Иванов опубликовал в “Золотом Руне” свою статью “Две стихии в современном символизме” (Андрей Белый – Александр Блок. Переписка: 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. – М., 2001. – С. 362). Также см.: Burchardi K. Die Moskauer “Religiös-Philosophische Vladimir Soloviev Gesellschaft (1905–1918). – Wiesbaden, 1998.

¹² Цит. по.: Богомолов Н.А. Из предыстории “Лиры Новалиса” Вяч. Иванова... – С. 496.

¹³ В письме от 25 марта 1908 г. Блок писал Андрею Белому: “У Вас теперь Вяч(еслав) Ив(анов), я как-то опять его почувствовал и полюбил” (Андрей Белый – Александр Блок. Переписка... – С. 360).

обществе за этот ответ не по существу (*так иные игроки рукам передвигают шашку*) я высказался несколько горячо против его теорий. Но опять перчатку не поднял. Через два дня был у меня, ласков донельзя: меня законфузил. Что-то было во всем этом “непрямое” (1) передержки в прениях, 2) исподтишка мина против Москвы, 3) елейная ласковость обращения). Буду теперь писать ему обо всем этом письмо: *начистоту*»¹⁴.

Доклад Вяч. Иванова всерьез затронул сферу интересов Белого как теоретика символизма – тогда же, в апреле 1908 г. он писал Брюсову о желании «...сказать свое “credo” и противопоставить его Иванову (ведь у меня же есть что сказать: у меня грома материалов по теории символизма: в “Весках”, я знаю, технически невозможно все это печатать)»¹⁵. По всей видимости, именно после возникших в Религиозно-философском обществе прений по докладу Вяч. Иванова у Белого возникает мысль о необходимости оформить собственный взгляд на теорию символистского творчества – и эту идею он осуществит два года спустя в своих книгах “Символизм”, “Арабески”, “Луг зеленый”, в которые включит и свои полемические статьи “Realiora”, “Символизм и современное русское искусство”.

Однако непосредственно после доклада Иванова “Две стихии в современном символизме” Белый пишет ему вслед письмо, которое, собственно, и было первой вехой в споре об идеализме и реализме в современном искусстве на страницах “Весов”. Объем сохранившейся переписки между Вячеславом Ивановым и Андреем Белым – невелик, если сравнивать с обширными томами корреспонденции Белого с А.А. Блоком, Ивановым-Разумником или Э.К. Метнером. Письмо публикуется целиком (авторские орфография и пунктуация сохранены); бльшая часть переписки Белого и Вяч. Иванова хранится в ОР РГБ¹⁶.

¹⁴ Андрей Белый – Александр Блок. Переписка... – С. 362

¹⁵ [Брюсов В.Я.] Переписка с Андреем Белым // ЛН. – М., 1976. – Т. 85. – С. 413.

¹⁶ Обзор переписки Белого и Иванова был предпринят Ж. Нива в работе: *Nivat G. Prospero et Ariel. Esquisse des rapport d'Andrej Belyj et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du Monde russe et soviétique, XXV (1). – 1984. – P. 25–26*; отдельные письма также публиковались: *Keys R. Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrej Belyi // Slavonica. – 1994/1995. – V. 1, N 2. – P. 18*; *Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. – М., 1999*; *Глухова Е.В. Андрей Белый – Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // “Башня” Вячеслава Иванова и культура серебряного века. – СПб., 2006. – С. 96–127.*

Андрей Белый – Вячеславу Иванову¹⁷
(не ранее 6 апреля 1908)

Дорогой, искреннелюбимый Вячеслав!

Я буду краток и резок. Все время я хотел бы Тебе верить, но вижу в Тебе какую-то двойственность. В докладе Твоем есть *неявный, замаскированный* выпад против Москвы. Так приняли все, так принял и я, как только получил тезисы доклада¹⁸. Я люблю действовать начистоту; на *замаскированный* выпад против московского символизма я отвечаю *явным отпором*. Ты не поднял перчатки: сказал, что я Тебя не понял (в Кружке)¹⁹ и просил меня успокоиться и не бояться за свое целомудрие (в религиозно-философском обществе): ведь такой ответ – свысока брошенная насмешка вместо возражения по существу (так и приняли Твой ответ присутствовавшие).

Наконец Ты говоришь при мне Кистяковскому²⁰ (?), что символизм Брюсова *пожалуй* и не идеалистический (как бы нехотя), а с глазу на глаз *мне* говоришь, что Брюсов глубокий реалист.

Ты говоришь мне с глазу на глаз, что идеализм и реализм в современном символизме суть две стихии борющиеся в душе художника, а у Тебя в докладе совсем не это: там два течения. Вот если бы Ты сказал это вслух, я не имел бы основания думать, что глубокие вечные мистические проблемы Твоего доклада перемешаны с политикой сегодняшнего дня и притом приводимой неявно, а как-то скрыто: отсюда двойной смысл Твоего доклада носил характер еще и “*двусмысленного*” смысла. Вот такая подоплека бесила меня. Вот что заставило меня, мистика, выступить против

¹⁷ Часть этого текста цитировалась, однако письмо было неверно атрибутировано 1907 г.: *Nivat G. Prospero et Ariel: Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et Vjačeslav Ivanov // Cahiers du Monde russe et soviétique, XXV (1). – 1984. – P. 30–31.* Крайняя дата письма устанавливается по письму Белого к Блоку (см. сноску 14).

¹⁸ К сожалению, упомянутые в письме тезисы доклада нам обнаружить не удалось. Несомненно, это был печатный экземпляр тезисов доклада, об этом упоминал и автор рецензии на выступление Вяч. Иванова (см. выше: *А. П(анкратов)*). Лекция Вячеслава Иванова...).

¹⁹ Речь идет о московском Литературно-Художественном кружке. А. Белый входил в состав участников кружка. См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М., 2004. – С. 107–110.

²⁰ Из контекста письма не ясно, о каком именно Кистяковском идет речь. Вероятно – Богдан Александрович Кистяковский (1868–1920), юрист, публицист, приват-доцент Московского Университета. О Кистяковских – знакомых Белого см. именной аннотированный указатель в кн.: *Белый А.* Между двух революций / Подгот. текста, коммент. *А. В. Лаврова.* – М., 1990.

Тебя, опуская и даже пропуская мимо ушей глубокое и вечное²¹. Глубокое и вечное должно соединяться с прямою и открыто-стью. Деление на эзотеризм и экзотеризм, занавешенность от малых сих, никоим образом не сочетается с неискренностью. Если я ошибаюсь, да простит меня Бог. Но я всегда хотел Тебя любить, всегда хотел бы быть близким и вдруг, видя Тебя, утериваю подчас смысл Твоих слов. И вот когда закрадывается сомнение, я способен минутами верить, что великие мистические проблемы Ты способен превращать, например, в средство для политики, и что политика у Тебя цель, а мистика – средство. Тогда я способен, любя Тебя (желая любить Тебя таким, каким видывал в иные минуты), просто мстить Тебе за то значение, которое я Тебе приписывал. Я, например, могу усомниться: после нашего столь [близкого] дорогого мне свидания у Тебя²², Ты можешь неискренно (?) глумиться надо мной, и тогда я кричу себе: для чего же Он говорил мне: “Христос с Тобой”.

Пойми, что я пишу от открытого сердца. Слова, которые Ты мне говорил, слишком ответственны: ради Бога, прости меня; *хочу в Тебя верить*.

Такого рода колебаниями обуславливалось мое недоверие к Тебе прошлой зимой. Теперь о тактике. Тут я знаю о себе вот что: я имею опыт, я знаю *умное делание*²³, уединенную молитву, *но я имею реальный опыт коллективной молитвы*²⁴, и потому-

²¹ Кажется, Белый никогда не изменит своего скептического отношения к мистическому опыту Иванова: он уже знает об общении А.Р. Минцловой с обитателями “Башни”, однако посеянная ею розенкрейцеровская мифология даст свои плоды позже. Об этом см.: *Богомоллов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. – М., 1999.

²² Вероятно, свидание состоялось во второй половине января 1908 г., в Петербурге, куда Белый приезжал для чтения лекций “Искусство будущего” (15 января) и “Фридрих Ницше и предвестия современности” (25 января) (Андрей Белый – Александр Блок. Переписка: 1903–1919... – С. 355–356.)

²³ В православной аскетике “умное делание” или “исихазм” (от греч. ἡσυχία [hesychia] – покой, безмолвие, отрешенность) и его составляющая – “умная молитва”. “Умное делание” – это то просветленное состояние, которое достигается в молитвенном экстазе. Ср. автокомментарий Белого на свое письмо к Блоку от 19 августа 1903 г.: «В 1902–1903 годах я часто молился; в 1902 году даже был опыт молитвы, и нечто от “умного делания” по плану, рекомендуемому Св. Серафимом Саровским; и в итоге этого “делания” неожиданное узвание о Христе; “до” – не знал Христа; в этом опыте – узнал» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка... – С. 99).

²⁴ Вероятно, здесь речь идет не столько о церковной православной молитве, сколько о том опыте коллективной молитвы, которую почерпнул Белый в так называемой Новой Церкви Мережковских. Об этом см.: *Гиппиус З.* О Бывшем // Дневники / Вст. ст., сост. А.Н. Николукина, комм. Т.В. Воронцовой, Д.И. Зубарева, А.А. Морозова, М.М. Павловой, А.И. Серкова, Н.В. Снытко. –

то знаю, что и этого еще недостаточно; надо создать катакомбные условия (эзотерические для приготовления грядущего); я бы не мог говорить о соборности вслух толпе, как готов был это говорить 5 лет тому назад, ибо я *знаю* теперь *соборную молитву*. (Удельный вес слов и *ответственность!!!*) И потому-то мне кажется, что Ты пишешь и говоришь с какой-то литературной легкостью (как и Мережковский) о том, что есть предмет *реального созидания, дела*, а не литературы; *выступая об этом в литературе*, Ты претендуешь на роль пророка: *а пророков не будет*; не может быть теперь; получается какая-то ложь. Но если Ты и берешь на свою *ответственность* проповедь соборного делания (для меня это проповедь о втором пришествии Христа), я не могу на себя брать соучастие в проповеди; я лишь исповеданием своих тайных, субстанцией переживаний, устремленных к моему Господу, могу кому бы то ни было говорить. *Так* (знаю я) ничего не будет сорвано; всякое же все напоминание (в статье, в *credo* и т. д.) для меня уже начало провокации. Вот почему оттого, что Христа исповедую, я *не христианин* (“Христос” и “христианство” исключают друг друга): я не могу быть уже с Мережковскими, и конечно уже я не с Булгаковым²⁵ и Эрном²⁶. Твоя же позиция еще ближе: но проповедь твоей позиции есть иногда для меня кощунство. Слова о *Теургии*²⁷ (и я когда-то писал о *теургии*)²⁸ предполагают *теурга*: ну могу ли я верить, что бы Ты или я, или

М., 1999. – Т. 1.; *Гиппиус З.Н.* Живые лица: Воспоминания. – Тбилиси, 1991. – Кн. 2.; *Пахмусс Т.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Филоософова и близких к ним в “Главном” // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1997. – М.: Наука, 1998; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже 1906–1908 // Лица: Биографический альманах. – М.; СПб., 1992. – [Т.] 1. – Вып. 1. – С. 350–352.

²⁵ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – философ, богослов, публицист. О нем и его взаимоотношениях с Белым: *Белый А.* Начало века. – М., 1990; *Он же.* Между двух революций. – М., 1990.

²⁶ Эрн Владимир Францевич (1882–1917) – профессор философии московского университета. Был дружен с Вяч. Ивановым с 1905 г., в особенности в 1910-е годы (см.: [*Брюсов В.*] Переписка с Вячеславом Ивановым // ЛН. – Т. 85. – М., 1976. – С. 470–472); с Андреем Белым его связывали дружеские отношения еще с 1903 г., когда он, П. Флоренский и В. Свенцицкий участвовали в религиозно-философском студенческом кружке. В своих мемуарах Белый с обидой вспоминал об Эрне: “Он в ряде годин Вячеславу Иванову – верил; мне – нет (...)” (*Белый А.* Начало века / Подгот. текста и коммент. *А.В. Лаврова.* – М., 1990. – С. 298).

²⁷ Здесь и далее Белый спорит с одной из частей лекции Иванова: “Миф, хор, теургия”.

²⁸ Статья Белого “О теургии” была опубликована в “Новом пути” в № 9 за 1903 г. Понятие “теургия” – одно из ключевых в эстетике младшей ветви русского символизма. “Художники и поэты, – писал Вл. С. Соловьев, – опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышен-

Мережковский, или кто бы то ни было из пишущих “о” был бы действительно *теургом*, когда еще и маги не являлись²⁹; еще нет магов: они будут (быть может скоро); всю силу молитвы нужно обратить в дело, а не в слово, чтобы о теургии ничего не знали до решительного нападения на магов: мы живем в предбоевое время; наши маневры и манипуляции должны мы утаить и не проговориться (у стен есть уши), а Ты кричишь вслух. Не могу я Тебя тут поддерживать. Не забудь, что хотя мне и 27 лет, но еще в 1899 г., я проснулся от индивидуализма к соборности³⁰; а твое публичное успокоение меня (“Успокойтесь”)³¹ с оттенком иронии было направлено не против меня; я правда очень экспансивен, но *где нужно*, стойкости и спокойствия у меня достаточно; и протеста против Твоего доклада, я поступал вовсе не как опрометчивый мальчишка: *верь мне*.

Вот, Вячеслав, мое краткое резюме о том, что так трудно мне резюмировать в словах, но что считаю нужным тебе сказать.

Верь, что пишу это в форме вопроса. Так или не так? Если не так, обличи; буду слушать с величайшим вниманием. Ведь от любви к Тебе я пишу это письмо, снимаю всякие маски³², смотрю

ном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но и они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями”. С точки зрения Белого, теургия – высший этап творчества, созидания самой жизни с помощью Божественной энергии Софии.

²⁹ Ср. в письме Белого к Э.К. Метнеру от 25 июля 1903 г.: “{...} маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург – белый маг {...} Маг – это заклинатель, манипулирующий до зоны хаоса, перед ней, наконец, в самом хаосе, а теург – это маг, уже увидевший просветы или ушедший по ту сторону хаоса{...}” (Лит. наследство. – Т. 92, кн. 3. – М., 1982. – С. 201). Возможно, что устанавливая противопоставление мага – теургу, Белый опирался на работу Е.П. Блаватской “Ключ к теософии”, где в том числе описывались три раздела магического искусства, из которых первое – теургия (Белая магия), затем готэтия (колдовство). См.: Jones R.M. Theurgy // Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. XII. – L.; N.Y., 1934. – P. 319; *Постоутенко К.* Священные цвета Андрея Белого // Die Welt der Slaven XLI. – 1996. – S. 153–166.

³⁰ Вероятно, Белый имеет в виду собственное драматическое сочинение “Антихрист” (1899) – первый юношеский опыт в духе мистериально-апокалиптического символизма (см.: **Антихрист = Antichrist**: набросок к ненаписанной мистерии / Публ., вступ. ст. и примеч. Д. Рицци. – Тренто, 1990.).

³¹ По-видимому, речь идет о выступлении Иванова на вечере в московском Религиозно-философском обществе; ср. выше цитируемое письмо Белого к Блоку.

³² Ср. полемическое обыгрывание “маски” в статье Белого “Химеры”, написанной в виде памфлета на идеи Вяч. Иванова об античном театре и сущности дионисийства (*Белый А.* Химеры // Весы. – 1905. – № 6; *Иванов Вяч.* О “Химерах” Андрея Белого // Весы. – 1905. – № 7; *Белый А.* Разъяснения В. Иванову // Весы. – 1905. – № 8).

на Тебя обнаженным взглядом, если что не так наставь и прости.
Ведь Ты пока мне близок, а я так нуждаюсь в Тебе.

Господь с Тобой. Жду ответа.

Остаюсь любящий Тебя искренне, но тревожно и недоверчиво.
Борис Бугаев.

Мой адрес: Москва, Арбат. Никольский пер., д. Новикова, кв. 7.